

ХУДОЖНИК ПЕТР ЛЕВЧЕНКО — НЕКРОЛОГ ЕВГЕНИЯ КУЗЬМИНА Публикация документа

Ниже опубликовано письмо-некролог на смерть украинского художника П. А. Левченко, написанное в 1917 г. киевским художественным критиком Е. М. Кузьминым.

Письмо написано на клечатом листе формата А4, с двух сторон.

Вверху слева приписка (перевернута относительно основного текста) прописью с подписью: В случае не напечатания прошу не <...> [1] отослать по адресу: Киев, Сретенская 17, кв. 10. Е. М. Кузьмин.

Вверху справа надпись (тоже перевернута, относительно основного текста) карандашом, прописью: Слишком жельно написано За реда... Ле... [2].

П[етр] А[лексеевич] Левченко [3] (некролог)

Сравнительно недавно прочел я среди прочих окаймленных черной рамой объявлений извещение родных и знакомых о смерти художника Петра Алексеевича Левченко.

Слово «художник» было набрано совсем мелким шрифтом, чуть ли не петитом, но я все же думал, что самое имя скажет что-нибудь тем, кому дорого искусство — ведь мы, киевляне, в праве считать П. А. своим, так как он жил и работал среди нас.

Но напрасно просматривал я страницы той самой газеты, где было объявление. Огромными буквами лезло в глаза, навязывалось вниманию: громкий «бум» дела Болотиной с пропечатанными интимными письмами, которые надо было сжечь, с извозчичьими словами в женских устах, со <...>, но об умершем хорошем художнике ни пол слова.

До того ли теперь!

Впрочем в наш век барабанной рекламы, ревущих гудков, «потрясающих драм», это слово «художник», набранное пяти-

том, до некоторой степени символизирует облик самого Петра Алексеевича: скромно жил и скромно, незаметно для толпы умер, будучи все же несомненным и подлинным художником.

Мне искренне жаль, что в условиях той жизни, в которой теперь нахожусь, я лишен возможности, за отсутствием материалов под рукой, дать более обстоятельный очерк его художественной деятельности, но вовсе промолчать о нем я не могу. Ведь со смертью П. А. Левченко с неба искусства все же скатилась звезда — пусть не первой величины, но сиявшая собственным, не отраженным светом и светом, который не только светил, но и грел. А таких звезд не так уже много, особенно у нас — в Киеве.

С П. А. сошел в могилу один из последних мозикан школы еще не выродившихся передвижников, среди которых он занимал вполне определенное, заслуженно приобретенное «свое» место. Правда, в большинстве случаев напрасно было бы искать полотна, подписанного его именем, в тех центральных местах выставок, которые обыкновенно отводятся для «звезд» в роде репинских «казаков» и «дуэлей», больших шишкинских «боров» или идейных «Не пуцу» Вл. Маковских. Да и по размерам полотна Левченко как бы сами просились в более скромные, более уютные уголки, где нет места горячим спорам и восторгам, но за то легче интимное собеседование с душой художника через созданные им образы. Кстати и сюжеты картин были такие же скромные, не навязчивые: тихая деревенская церквушка или часовенка, выглядывающая из-за кupy дерев, тихий, ясный вечер, спускающийся над дальним селением, уютные *interieur*'ы [4] (их Левченко особенно любил) с горящей лампой под цветным абажуром, серенькие зимние сумерки.

Становилось тихо на душе, как от немного грустной мелодии на виолончели или романса Чайковского и невольно просило «сердце ласки и тепла».

Когда же вместе с буйной молодостью нахлынули другие поиски, другие взгляды, другие требования, сдававшие отживающий реализм передвижничества в архив прошлого, Левченко не стал брюзжать на новизну.

Напротив. Рискнув даже потерять своих уже обеспеченных почитателей и... покупателей (увы! Этого слова из жизни художников не выкинешь!), он жадно стал всматриваться в то ценное, что прозревалось им в новых течениях, и не побоялся на границе старости начать в этом направлении свои собственные поиски. И я помню один сильный *naturemorte*, интересный *interieur*, зимний

городской пейзаж, явившиеся в ответ на эти новые художественные устремления и свидетельствующие о живой, все еще молодой душе. Таким, все еще молодым, хотя и с поседевшей бородкой, рисуется мне в моих воспоминаниях и сам П. А., воплощавший в своем внешнем крупном облике уже исчезающий тип художника — богемы, в неизменной, слегка помятой «художественной» шапочке на голове, с веселым юношеским смехом при забавном анекдоте и готовностью почти по детски расчувствоваться, разволноваться, чуть ли не заплакать от пустячка.

Я не знаю, как жил, что делал А-ко в эти последние «боевые» годы. Только из газеты [5] узнал я, что художник Петр Алексеев Левченко умер, и захотелось исправить маленькую ошибку. Не художник умер, а человек, носивший имя Петра Ал-ча. А художник жив, потому что живы его произведения, говорящие и теперь сердцу пусть не громким, но искренним и задушевным языком.

Действ. арм. 19^{8/11} 17 [6]. Евгений Кузьмин

Комментарий к некрологу

*...Скажи, ужель одна могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
И мне покойну быть — о нет!..*

Михаил ЛЕРМОНТОВ

*...Каждый слог — обретение следа
Тех, кто раньше ушел в ковчег.*

Григорий ХОРОШИЛОВ

Пусть и с некоторым опозданием, но все же следует ввести в научный обиход настоящий документ, а именно — некролог украинского пейзажиста П. А. Левченко, написанный киевским искусствоведом Е. М. Кузьминым [7]. Судьба его примечательна и в какой-то мере показательна. Долгое время хранившийся в личном архиве П. И. Говди [8], известного киевского деятеля искусств, документ этот в свое время явился так же несколько запоздалым откликом неравнодушного с фронта на смерть художника в тылу. Да, в причудливых поворотах истории, в век, когда любой может «задокументировать» собственную биографию всеми доступными способа-

ми и конвертировать в любом формате, случается, что неприметный лист вылинявшей бумаги, исписанный чернилами, среди тысяч других, утраченных (и порой единственно по этой причине), мало ценимый современниками, но ставший драгоценным осколком прошлого для потомков, обретает силу и качество подлинного документа, причем уникального в своем роде. Свидетельствующего не столько о непреложном факте (в случае некролога — это, как правило, факт и дата смерти), сколько о признании одним человеком трудов другого, — даже если анализ этих трудов оказывается нелицеприятным, — и роли и значении личности в жизни общества.

Позволим себе не останавливаться подробно на определении понятия некролога. Излишним будет и краткий экскурс в историю этого жанра — жанра журналистики, биографии (причем не только умершего, которому посвящен некролог, но зачастую и автора некролога, как в случае с Кузьминым), и даже письма [9]. Пересказ жизнеописаний Левченко [10] и Кузьмина также не является целью этого сообщения.

Рассматриваемый некролог представляет собой интересный образчик и в жанровом, и в семантическом, и в синтагматическом плане. Написан он в условиях быта действующей армии, куда Е.М. Кузьмин (уже в 1913 г., согласно документу об основании им журнала «Рыцарь», значащийся отставным капитаном) [11] попадает, скорее всего, в 1915 г. [12]. Нужно напомнить, что волею случая 1917 г., год смерти Левченко, стал годом своеобразного «водораздела» эпох как в истории государственности, так и, как ни странно, в истории музейного хранения [13]; годом разлома, если угодно [14]. Так, к концу 1917 г. Е. Кузьмин из защитника родины превращается в «предателя»; в 1919 г. он арестован ЧК по обвинению в сотрудничестве с белыми офицерами Деникинской армии [15]. В этом контексте небезынтересен тот факт, что, судя по всему, первый в своей журналистской практике некролог Кузьмин написал, будучи корреспондентом «Киевских вестей», в 1910 г., по случаю смерти Л.Н. Толстого [16]. Красноречиво само по себе название этого некролога: «Надо писать» — выявляющее отношение автора и к событию, и к жанру. А начинается он следующими словами:

«Часто мучил меня один вопрос: почему вокруг одной из величайших тайн, пожалуй, даже — таинств — таинства Смерти, жизнь сгущается в самые отвратительные, отталкивающие формы? Никогда, кажется, пошлость не бывает пошлее, никогда требования повседневности не проявляются с такой наглой, навязчивой

грубостью, как именно вокруг гробов. Словно эта повседневная, будничная, внешняя жизнь мстит нам за то, что вырвали одну из ее жертв. И требования ее как-то особенно неумолимы, особенно цинично откровенны» [17] ... «Не умер еще Толстой... Боже, что делалось в редакциях! — Без умолку трещал телефон, репортеры, как гонимые, рыскали за новыми сведениями. Кое-когда вырвется горестный вздох, мимолетное тонкое душевное слово и ... опять кутерьма. Клише, гранки, телеграммы, портреты, вопросы о траурной кайме — где уже, где шире, о числе столбцов...» [18].

Так, смерть Толстого со всей пошлостью, ее окружавшей — «ел ли больной овсянку или суп и в каком платке была Софья Андреевна» (иначе читатели посчитают, что газета недостаточно осведомлена), — описана Кузьминым в саркастическом ключе. Это не столько даже смерть мыслителя, а реакции на нее разных людей. Здесь, в этой короткой заметке «быстрого реагирования», обнажая прием, Кузьмин выносит на обозрение внутреннюю «кухню» редакции [19].

Не то в случае с Левченко. Лишенный материалов, необходимых для исключения неточностей в изложении чьей-либо биографии [20], Кузьмин не может выйти за рамки краткого очерка, не столько даже суммирующего заслуги Левченко как художника, а скорее отражающего понимание Кузьминым роли Левченко, роли его искусства для художественной жизни Киева.

И в известной мере смерть Левченко становится для Кузьмина поводом не только сказать хотя бы «полслова» «о хорошем художнике», но и высказать ряд обобщенных наблюдений. Неудивительно, что этот некролог с пометкой редактора «слишком желчно написано» не был напечатан (что Кузьмин явно предвидел, раз сделал приписку соответствующего содержания: «в случае ненапечатания...»). На самом деле в этом тексте отсутствует хотя бы намек на «сведение личных счетов», — в чем, как и в желчности, слишком часто обвиняют людей, избравших путь критики и отражающих события в корректной форме, но со всей правдивостью. Однако в нем проскальзывает упрек, адресованный киевскому обществу, для которого слово *художник* по-прежнему «набрано петитом», а также упрек представителям «выродившегося» передвижничества, которых Кузьмин неявно, но все же противопоставляет Левченко, а также упрек «звездам» (занимавших «фараонские» места в залах, к которым автор косвенно относит Репина, Шишкина и Вл. Маковского), — поблекшим со временем, успокоившимся, «заакадемизировавшимся» в лучах пусть и заслуженной славы.

И, хотя Кузьмин недвусмысленно настаивает на том, что важно занять не «главное» место в жизни, а «свое» место, он все же напоминает о зависимости художника от обстоятельств, меценатов и поклонников: *«Рискуя даже потерять своих уже обеспеченных почитателей и ...покупателей (увы! этого слова из жизни художников не выкинешь!), он жадно стал всматриваться в то ценное, что прозревалось им в новых течениях, и не побоялся на границе старости начать в этом направлении свои собственные поиски»*.

Рефреном звучит та же мысль в написанном им ранее очерке о М. Врубеле: *«В силу сложившихся обстоятельств его московской жизни, он должен был постоянно возвращаться в кругу богатых московских меценатов, от которых все-таки зависела его конечная победа, возможность быть признанным»* [21]. Но, если Левченко стремился преодолеть зависимость от покупателей, для Врубеля она оказалась роковой. Кузьмин указывает на эту зависимость, как на причину эмоционального выгорания художника, которое, в свою очередь, может привести к настоящей трагедии, как то случилось с Врубелем. (Теперь между артистом и спонсором «буфером» становится агент или арт-менеджер... со всеми вытекающими последствиями). В коротком воспоминании-наброске Кузьмин не рассматривает жизнь и творчество Врубеля (это задача биографов, среди которых один из первых — С. Яремич), а лишь акцентирует внимание на том, что *«превратив щедрость “подлинного” в расточительность обыденности, Врубель ежечасно совершал ужасающее насилие над собственной душой»* [22]. И неслучайно Кузьмин okayмляет этот рассказ стихами А. Блока и И. Северянина. После смерти Врубеля в газете «Киевские вести» была опубликована заметка с описанием панихиды по художнику, подписанная инициалом «К.»:

«На панихиду, несмотря на отдаленность церкви, собралось много народу, даже неожиданно много, если принять во внимание, как мы обычно ленивы и равнодушны к памяти своих даже самых великих людей» [23].

Автор подмечает, что, вероятно, большинство из пришедших в Кирилловскую церковь помянуть великого художника впервые видели его росписи, и выражает надежду: *«Может быть, смерть художника привлечет внимание киевлян к тому храму, который считают своим долгом посетить все приезжающие в Киев культурные иностранцы»* [24].

В случае смерти П. А. Левченко Кузьмин искренне возмущается тем, что киевская пресса ограничивается лишь сухим сообщением

даты, а также тем, что жизнь художника, его вклад в искусство затмевают скандальные судебные разбирательства (вроде дела Болотиной), на которые так падки читатели (что, в свою очередь, приносит большие дивиденды СМИ), — как в свое время бытовые подробности ухода из жизни Л. Толстого затмевали попытки резюмирования и переосмысления его творческого наследия.

В опубликованном некрологе Кузьмину удалось избежать большинства типичных для этого жанра штампов, которыми грешит некролог в газете «Южный край» [25]. Впрочем, они проступают в оборотах «сошел в могилу», «с неба искусства все же скатилась звезда», — с уточнением: «пусть и не первой величины, но сиявшая собственным, неотраженным светом». Ноту задушевности вносит описание детали одежды Левченко, — «художественная» шапочка; точно подмеченная, она подчеркивает как личное знакомство автора с усопшим, так и свойство характера последнего, его принадлежность к «могиканам» богемы, и вместе с тем словно вновь оживляет в воображении образ художника, — как и замечание о склонности Левченко к сентиментальности.

Таким образом, преодолев выпренность формального выражения «добрых чувств» к покойному, оставаясь предельно искренним и в оценке творчества Левченко, и ситуации в мире искусства, Кузьмин завершает повествование в слегка пафосном тоне, вполне уместном в некрологе:

«Не художник умер, а человек... художник жив, потому что живы его произведения» [26].

Эту мысль Кузьмин развивает в статье о Георгии Нарбуте [27], опубликованной в 1927 г. [28]. В следующей выдержке из статьи содержится постулат, к которому в особенности стоит прислушаться музейным сотрудникам:

«Мистецтво ще й досі на становищі тих непомітних людей, яких ціле значення усвідомлюємо аж тоді, коли вони зникають. Жили — немов і непотрібні. Померли — і раптом зробилася велика, нічим не заповнена порожнява. І йдуть — на могилу.

Ішли поодинокі. Тепер — теж гасло дня — ходять колективами, екскурсіями — в музеї.

В музеї коло кожного небіжчика-експоната швидкий “керівник” читає покvapливе казання, щоб мати час відчитати другого, третього, всіх до кінця.

Шанувати покійників, особливо добрих — річ, звичайно, не погана. Але мистецтво не досить шанувати. Його треба розуміти,

його треба відчувати, його треба любити. А “швидка панахида” не фрищепить любови» [29].

Подводя итоги, стоит обратить внимание читателя на один из выводов, следующих из сопоставления четырех своеобразных, таких не похожих друг на друга некрологов (Л. Толстого, М. Врубеля, П. Левченко, Г. Нарбута): замалчивание, формальное выражение сочувствие или шумиха вокруг смерти — суть проявления все того же равнодушия.

Нарушив главную заповедь хорошего некролога («о мертвых или хорошо, или ничего») и все требования к оформлению и содержанию научных сообщений, хочется добавить, что «завидное» равнодушие, с которым киевская общественность и по сей день относится к своей истории (в широком смысле слова) уместно лишь в известном случае — в случае приятия хвалы и клеветы. Хотя, как и любое оценочное суждение, и та, и другая, по сути, в равной степени уже не важны ушедшим, они по-прежнему имеют значение для «обретающих след».

1. Отточием в угловых скобках помечены слова, которые не поддаются прочтению. Здесь и далее примечания и комментарии К. Мамаевой.

2. Предположительно: «за редактора»; подпись неразборчива.

3. Так в оригинале: заглавие смещено вправо относительно основного текста.

4. Так в оригинале.

5. Опубликованный некролог, посвященный П. А. Левченко, на который есть ссылка (без уточнения даты или номера газеты, с пометкой, что некролог был опубликован «спустя несколько месяцев после смерти художника») в издании: П. О. Левченко. Альбом репродукцій / Текст Ю. Ф. Дюженка (Х., 1958) был найден исследователем в харьковской газете «Южный край» от 22.01.1917 за подписью «Н.». И дата, и содержание этого некролога подтверждают тот факт, что он был размещен в указанной газете на девятый день после смерти художника. Обширные материалы по делу Болотиной, о котором упоминает Е. Кузьмин, были напечатаны в «Киевской мысли» (где Кузьмин печатался в 1911 г.), но в доступных исследователю номерах этой газеты найти сообщение о смерти П. Левченко не удалось.

6. 08.02.1917 — рукописный текст очень мелкий, цифры едва различимы, их сложно идентифицировать; вторая цифра может обозначать как февраль месяц, так и ноябрь, в зависимости от того, римская она или арабская. Но, скорее всего, II — это февраль, что совпадает и с указанием Кузьмина в начале письма: он прочел некролог о смерти Левченко «сравнительно

недавно» (нужно полагать, в январе). Тогда дату можно прочесть следующим образом: 08(21).02.1917 (в скобках указано число по новому стилю).

7. Несколько лет назад автор неоднократно предпринимала попытки приобщить «по протоколу» этот документ к Документально-архивному фонду Е. М. Кузьмина в НХМУ (ДАФ НХМУ, ф. № 3), но, как это ни приискорбно, дальше разговоров с коллегами дело не продвинулось.

8. Говдя Петр Иванович (1.11.1922–11.07.1991) — украинский искусствовед, заслуженный деятель искусств УРСР (с 1968 г.). Автор книги «Т. Г. Шевченко — художник» и многих других исследований, посвященных вопросам украинского искусства. В 1949 г. закончил Институт им. И. Е. Репина в Ленинграде, в 1953 г. возглавил кафедру теории и истории искусств в КХИ; был инициатором открытия одноименного факультета при названной кафедре. В 1956–1959 гг. занимал должность главного редактора в издательстве «Искусство», стал учредителем и главным редактором журнала «Образотворче мистецтво». В 1966–1969 гг. пребывал на посту директора Государственного музея украинского изобразительного искусства (теперь НХМУ). На протяжении двадцати лет возглавлял Республиканскую комиссию по критике и искусствознанию, основал ежегодный Республиканский научный семинар критиков и искусствоведов (пгт Седнев в Черниговск. обл.).

9. См. например: *Стафигов М.* Некролог как жанр письма: Доклад на Третьих Шпетовских чтениях, апрель 1999 г. // <http://tfk2.narod.ru/nekrolog.htm>) или <http://www.mikstr.narod.ru/nekrolog.htm>.

10. См., напр.: Петро Олексійович Левченко. Каталог виставки творів до сторіччя з дня народження / Нарис і каталог склав М. М. Безхутрий. — Х., 1956; П. О. Левченко. Альбом репродукцій / Текст Ю. Ф. Дюженка. — Х., 1958; Петро Левченко. Альбом / Авт.-упоряд. М. Безхутрий. — К, 1984.

11. ЦГИАК, ф. 295, оп. 1, ед. хр. 403, л. 1–4. Здесь же не лишним будет отметить, что в документе о «журфиксе» от 20 ноября 1904 г. в Литературно-артистическом обществе Е. М. Кузьмин назван плац-адъютантом Киевского коменданта (ЦГИАК, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 552, л. 56).

12. О чем свидетельствуют годовые отчеты Киевского Художественно-Промышленного музея за 1915 и 1916 гг. (Архив НХМУ, оп. 1, ед. хр. 27, с. 1 и ед. хр. 35, с. 1), в комитете которого состоял Кузьмин (с 1914 г.; в 1915 и в 1916 гг. около его фамилии сделана пометка «в действующей армии»).

13. В музейной практике НХМУ, к примеру, экспонаты разделены именно по этому году: до 1917 г. — один фонд хранения, после 1917 г. — другой. То же можно наблюдать не только в музеях другого профиля, но и в других организациях, выполняющих функцию хранения информации.

14. Напомним также, что 11(24).02.1917 в Смоленске родилась художница, которой было предназначено стать крупной фигурой в истории как

советского, так и украинского искусства, — Татьяна Ниловна Яблонская.

15. *Ременяка О.* Євген Кузьмін — «Работа: искусствовед, архитектор» // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. пр. / ІПСМ НАМ України. — К., 2010. — Вип. 7. — С. 350–380.

16. *Кузьмин Е.* Надо писать // Киевские вести. — 1910. — 8 нояб. — № 301. В этой же газете от 6.04.1910 напечатана короткая заметка «Панихида по М. А. Врубелю» за подписью К. — возможно, Е. М. Кузьмина.

17. Там же.

18. Там же.

19. Ср.: <http://www.bbc.co.uk/russian/blogs/2013/10/>.

20. См.: *Кузьмин Е. П. А.* Левченко (некролог). — В настоящем издании.

21. ДАФ НХМУ, ф. 3, ед. хр. 23. Здесь и далее указана старая топография в фонде № 3. Насколько мне известно, фонд был упорядочен, была введена новая топография, которую можно уточнить, сверившись по переводной таблице. Сравни: «Искусство почиталось свободным, т. е. оно было отдано в кабалу денежному ящику: художникам-производителям предоставлялось свободно — путем печати, выставок, концертов и т. д. — искать себе покупателей-потребителей, угождая вкусам тех, кто мог платить. Государственная власть во взаимоотношения между производителем и потребителем официально не вмешивалась: любой живописец, музыкант, поэт мог свободно помирать с голоду или кое-как перебиваться или богатеть — как придется и как сумеет; причем предполагалось, конечно, что все дело тут исключительно в “таланте” и в “трудолюбии” художника, а отнюдь не в умении прислужиться именно толстой суме» (*Шмит Ф. И.* Избранное: Искусство. Проблемы теории и истории. — СПб., 2013. — С. 20).

22. Там же, л. 6.

23. К. Панихида по Врубелю // Киевские вести. — 1910. — 6 апр. — № 95.

24. Там же.

25. *Н. П. А.* Левченко: Некролог // Южный край (Харьков). — 1917. — 22 янв. (хранится в ГНАБК).

26. См.: *Кузьмин Е. П. А.* Левченко (некролог). — В настоящем издании.

27. ДАФ НХМУ, ф. 3, ед. хр. 24. Точная дата статьи — 17.12.1926. Черновик, русскоязычная рукопись.

28. *Кузьмин Е.* Нарбут і завдання графіки // Червоний шлях (Харків). — 1927. — № 3 (48). — С. 142–155.

29. По странному стечению обстоятельств цитируемый отрывок отсутствует в указанной русскоязычной рукописи, потому привожу его украиноязычную версию, опубликованную в указанном журнале.

Анотація. Повідомлення має на меті ввести у науковий вжиток декілька раніше не опублікованих архівних документів з доробку київського мистецтвознавця Є. Кузьміна.

Ключові слова: некролог, художня критика, П. О. Левченко, Є. М. Кузьмін, М. О. Врубель, Г. І. Нарбут.

Аннотация. Сообщение вводит в научный обиход ранее не опубликованный архивный документ из наследия киевского искусствоведа Е. М. Кузьмина: некролог художника П. А. Левченко.

Ключевые слова: некролог, художественная критика, П. А. Левченко, Е. М. Кузьмин, М. А. Врубель, Г. И. Нарбут.

Summary. Post aims to enter into scientific use previously unpublished archival documents from the legacy of Kievan art-critic E. M. Kuzmin'i obituary artist Pavel Levchenko.

Keywords: obituary, art-critique, P. O. Levchenko, E. M. Kuzmin, M. A. Vruble, G. I. Narbut.